

Силина Людмила Алексеевна

СМЕРТЬ КАК ЖИЗНЕУТВЕРЖДАЮЩИЙ ФЕНОМЕН БЫТИЯ В РОМАННОМ ДИСКУРСЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

В статье исследуются смысловое содержание идей-образов смерти и бессмертия человеческой души в романном дискурсе Ф. М. Достоевского, механизмы образования глубоко символического религиозно-философского пласта, позволяющего рассматривать тему смерти и бессмертия в нравственно-этическом аспекте как этап, предшествующий нравственной катастрофе или духовному возрождению героев.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/12-2/10.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(66): в 4-х ч. Ч. 2. С. 40-42. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

возлюбленного на поле битвы. Голос, который преодолел время и пространство, благословляет бойцов на подвиг в Великой Отечественной войне. Голос мужественной, самоотверженной в любви женщины. Этот мотив получает пронзительное звучание в контексте поэтизации материнского чувства, которое включает в себя и одухотворяющую радость рождения, и гордость за сыновей, и тревогу, и боль матерей, потерявших детей на войне. Убедительная линия духовного становления волевого женского характера создается зачастую бытовыми деталями. Образ сильной, гордой, негибаемой женщины проходит через всё творчество Л. Татьяничевой и Л. Васильевой, сближая их поэтические голоса, разные по личным переживаниям и силе, напору лирического слова, но родные по ни с чем несравнимому ощущению женской судьбы.

Список литературы

1. Васильева Л. Н. Избранные произведения: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1989. Т. 2. 607 с.
2. Васильева Л. Н. Облако огня. М.: Современник, 1988. 303 с.
3. Васильева Л. Н. Стихотворения. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 384 с.
4. Габриэлян Н. М. Ева – это значит «жизнь» (Проблема пространства в современной русской женской прозе) // Вопросы литературы. 1996. Вып. 4. С. 31-71.
5. Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: Искусство-СПБ, 1998. 702 с.
6. Морозова Т. Чем женщины: не женская проза, а проза, которую пишут женщины // Литературная газета. 1999. № 27.
7. Перова Н. Есть ли в России женская литература? // Литературная газета. 1994. № 9.
8. Савкина И. Л. Говори, Мария! (Заметки о современной русской женской прозе) // Преображение. 1996. № 4. С. 62-67.
9. Савкина И. Л. Кто и как пишет историю русской женской литературы // Новое литературное обозрение. 1997. № 24. С. 359-372.
10. Славникова О. А. Та, что пишет, или Таблетка от головы // Октябрь. 2000. № 3. С. 172-177.
11. Татьяничева Л. К. Живу я в глубине России [Электронный ресурс]. URL: <http://stihi.ekimovka.ru/index.php/nashagodina/198-lyudmila-tatyanicheva-zhivu-ya-v-glubine-rossii> (дата обращения: 26.10.2016).
12. Татьяничева Л. К. Зорька. М.: Советская Россия, 1973. 144 с.
13. Татьяничева Л. К. Стихотворения [Электронный ресурс]. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/T/tatyanicheva-lyudmila-konstantinovna/stihotvoreniya> (дата обращения: 25.10.2016).
14. Татьяничева Л. К. Царевны. М.: Воениздат, 1968. 144 с.

LARISA VASILIEVA AND LYUDMILA TATYANICHEVA: THEIR PATHS AND CROSS-ROADS

Serova Anastasiya Dmitrievna

Tambov State University named after G. R. Derzhavin

Anastasiya_1036@mail.ru

The article examines the lyrics of the two poets of the second half of the XX century, Larisa Vasilieva and Lyudmila Tatyaničeva, identifies the common features of their lyrical heroes and personages. In this connection the author analyzes the “women’s literature” problem. There are a lot of common themes and images in Vasilieva’s and Tatyaničeva’s lyrics, in particular, historical, maternal themes, tree imagery. The variations on the theme of “The Tale of Igor’s Campaign” appear to be identical with both poetesses. The common theme of Vasilieva’s and Tatyaničeva’s creative work is women’s theme which makes their intonations similar.

Key words and phrases: women’s literature; Larisa Vasilieva; Lyudmila Tatyaničeva; poetry of the second half of the XX century; anthropomorphism; tree lyrics.

УДК 82

В статье исследуются смысловое содержание идей-образов смерти и бессмертия человеческой души в романном дискурсе Ф. М. Достоевского, механизмы образования глубоко символического религиозно-философского пласта, позволяющего рассматривать тему смерти и бессмертия в нравственно-этическом аспекте как этап, предшествующий нравственной катастрофе или духовному возрождению героев.

Ключевые слова и фразы: смерть; бессмертие души; евангельский текст; притча; мировоззрение; христианская символика; философская проблематика; мотив; тема.

Силина Людмила Алексеевна, к. филол. н., доцент

Московский государственный психолого-педагогический университет

l-silina@mail.ru

**СМЕРТЬ КАК ЖИЗНЕУТВЕРЖДАЮЩИЙ ФЕНОМЕН БЫТИЯ
В РОМАННОМ ДИСКУРСЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО**

*Работа выполнена в рамках поддержанного РГНФ проекта № 16-04-00523
«Танатологический дискурс русской словесности XI-XX веков в аспекте межкультурной коммуникации».*

В литературоведении конца XX – начала XXI века усилился интерес к духовному содержанию произведений Ф. М. Достоевского, актуализировавший изучение влияния Священного Писания на творческое наследие писателя. На эту неразрывную связь художника с христианской культурой, проявляющуюся в идейно-образной

структуре произведений писателя, указывали В. Н. Захаров, В. А. Кошелев, В. Л. Комарович, Р. Г. Назиров, Е. Г. Новикова, В. Г. Одинокоев, Б. Н. Тихомиров. Христианская этика пронизывает всё «послекаторжное» творчество Достоевского, является своего рода нравственно-этическим базисом, на котором выстраивается полный трагизм и внутреннего надлома тип художественного мышления, обогативший русскую литературу XIX века особым религиозно-эстетическим содержанием. Попытки Достоевского художественно переосмыслить и воссоздать ядро русского национального мировидения, глубоко православного в своей основе, традиционно были сопряжены с обращением писателя к жанрам ёмким и иносказательным, зародившимся ещё в недрах древнерусской православной культуры. Поэтому в качестве особых источников образности в произведениях выступали жития, апокрифы, притчи (Д. С. Лихачев, В. Е. Ветловская). Притчевое начало или парафразы известных евангельских притч, художественно трансформируясь, нашли яркое воплощение в жанровой структуре рассказов «Бобок», «Мальчик у Христа на ёлке», «Мужик Марей», «Сон смешного человека», а также в романах «Бесы», «Братья Карамазовы» (В. А. Михнюкевич, А. В. Чернов, Ю. В. Шатин). Тексты Достоевского сосредотачивают в себе особый сакральный смысл, подчёркивая вневременной бытийный пласт, нашедший отражение в архитектонике произведений писателя. Сюжеты притч контаминируют в себе некий обобщающий смысл, так как главным жанрологическим принципом является «соотнесение частных проявлений человеческой жизни с неким универсальным бытийным законом, что позволяет выявить в них глубинный экзистенциальный смысл» [8].

Увеличивающееся тяготение к христианоцентризму вносило новую тенденцию в формирование и развитие творческого мышления Достоевского. Без учета этого процесса не только отдельные произведения, но и всё творчество писателя не может быть верно осмыслено. Выявление и освоение глубинного религиозно-философского контекста помогают обнаружить нравственно-философские смыслы творчества Достоевского, его постижение народной России, «корневых» духовно-нравственных основ русской жизни. «Русский человек ничего не знает выше христианства, да и представить не может <...> вникните в православие: это вовсе не одна только церковность и обрядность, это живое чувство, обратившееся у народа нашего в одну из тех основных живых сил, без которых не живут нации. В русском христианстве, по-настоящему, даже и мистицизма нет вовсе, в нём одно человеколюбие, один Христов образ, – по крайней мере, это главное» [4, с. 302].

К числу таких концептуальных идей относятся представления Достоевского о душе и смысле жизни, о смерти и бессмертии, об аде и рае. Конкретные формы проявления в идейно-художественной структуре произведений Достоевского этих ценностных в нравственном смысле идей-образов и являются предметом анализа в данной работе.

«Без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация. А высшая идея на земле лишь одна и именно – идея о бессмертии души человеческой, ибо все остальные “высшие” идеи жизни, которыми может быть жив человек, лишь из одной неё вытекают» [Там же, с. 389]. Размышляя над природой человека, Достоевский говорил о двух противоборствующих началах – разуме и душе. Более всего писателя заботила духовная составляющая не только отдельной личности, но и русского общества в целом. Следует сказать, что эпоха 70-х годов XIX века, с одной стороны, – это время «крушения надежд», всеобщего обнищания, социальной отверженности, разрушения вековых моральных устоев и норм. Однако, с другой стороны, русская общественная жизнь конца 70-х годов характеризовалась повышенной ролью «теоретической» деятельности, когда общественная энергия интенсивно проявлялась в сфере идеологии, в основе которой лежали далеко не христианские идеи. Именно поэтому на первое место Достоевским выдвигаются противоречивые и сложные мировоззренческие проблемы, переосмысленные в философском ключе с позиций православной этики, которые всегда разворачивались на широком социальном фоне современной писателю действительности. «Новые люди», «человекобоги» жаждали социальной справедливости, пытались найти эту социальную гармонию вне Бога и без Бога. Кириллов, герой романа «Бесы», говорит, что он «еще только бог поневоле», «...но я заявлю своеволие, я обязан уверовать, что не верую <...> И спасу. Только это одно спасет всех людей и в следующем же поколении переродит физически; ибо в теперешнем физическом виде, сколько я думал, нельзя быть человеку без прежнего бога никак. Я три года искал атрибут божества моего и нашел: атрибут божества моего – Своеволие!» [3, с. 472]. Герой отрицает Бога, соответственно, и то, что человек есть образ Божий, которому дарованы свобода и бессмертие души. Достоевский ставит вопрос: что же эти «сверхчеловеки», «добрые тираны», так называемые «спасители» слабой части человечества дадут взамен свободы и бессмертия души? Социальные гуманисты в лице Раскольникова, Кириллова, Верховенского, Ивана Карамазова считают, что «осчастливят» человечество, истребив «мечом Кесаря» всех носителей зла и дав людям «хлеб земной». По мнению Достоевского, этот путь ложный и кровопролитный. Н. Бердяев подчёркивает важную черту экзистенциальной диалектики Достоевского, суть которой состоит в мысли о том, что «лишь путь Богочеловечества и Богочеловека ведёт к утверждению человека, человеческой личности и свободы», а «человечность, оторванная от Бога и Богочеловека, перерождается в бесчеловечность» [1, с. 107]. Душа – «дух от Бога созданный», является той божественной составляющей в человеческой природе, которая концентрирует в себе жизнь Божественного Духа [6, с. 97]. В рассуждениях о бессмертии души Феофил Антиохийский приводит одно из неизменных условий бессмертия – исполнение заповеди Божьей [7]. Кирилл Иерусалимский указывает ещё на одно важное условие бессмертия души человеческой – благодать Божью: «ты имеешь душу свободную, творение Божие прекрасное, сотворённое по образу Создателя, бессмертное по благодати Бога» [6, с. 51].

Ф. М. Достоевский связывал свои представления о душе и её бессмертии с христианской традицией, в которой отцы церкви подчёркивали соотнесённость понятий «душа» и «совесть». Именно душа/совесть начинает будоражить сознание героев Достоевского, замкнутых в рассудочных догматах своих «теорий» и «идей». Для художественного пространства романов Достоевского характерна конвергенция повествовательных пластов: авторского и несобственно-авторского повествования. В фокусе авторского повествования сосредоточены

сюжетные узлы произведения, план выражения содержания, аксессуарные детали, пейзаж. Внутренняя речь героев позволяет высветить авторскую идею наиболее полно, так как в глубоко психологических монологах обнаруживается индивидуалистическое начало, противоречащее разумности Божественного порядка. Философско-символический пласт, подчас становящийся сакральным, является духовным центром, где происходит переосмысление, «перерождение» мировоззрения героя. Евангельский сюжет о воскресении Христом Лазаря в контексте романа не только символизирует собой возможность нравственного переворота в душе и сознании героя. Здесь Раскольников уподобляется неверующим иудеям, присутствующим при чуде воскрешения Лазаря, увидев которое, многие уверовали в Него и крестились, тем самым доказывая своё приятие Христа и веру в бессмертие человека по великой благодати Божьей. История Раскольникова, соотносимая с евангельской историей о Лазаре, воспринимается в контексте темы духовной смерти и нравственного воскресения: «Он страдал тоже от мысли: зачем он тогда себя не убил? Зачем он стоял тогда над рекой и предпочел явку с повинной? Неужели такая сила в этом желании жить и так трудно одолеть его? Одолел же Свидригайлов, боявшийся смерти? Он с мучением задавал себе этот вопрос и не мог понять, что уж и тогда, когда стоял над рекой, может быть, предчувствовал в себе и в убеждениях своих глубокую ложь. Он не понимал, что это предчувствие могло быть предвестником будущего перелома в жизни его, будущего воскресения его, будущего нового взгляда на жизнь» [2, с. 418].

В. Г. Одинокоев, осмысливший философско-этическую концепцию романов Достоевского, отмечает, что тема воскресения является центральной и художественно реализуется в кульминационных эпизодах, в которых с наибольшей полнотой и драматизмом проявляется противоречивость мировоззрения героев, происходит крушение их рассудочных «догматов», лишённых истинной любви и сострадания [9]. Диалогичные по своей структуре эпизоды несут двойной смысл, соединяя социальную и философскую проблематику воедино, давая возможность постановки сложных нравственно-этических вопросов, касающихся поиска путей развития общества и отдельного человека, оказавшегося в силу объективных социальных или же субъективных причин в драматической «пороговой ситуации». Герои плутают в потёмках своих собственных заблуждений, руководимые страстями, гордыней и эгоизмом, отчаянно доказывают свою правоту, свою «правду о жизни». Мучимые раздираемыми противоречиями, они всё больше и больше уходят в себя, не желая принять спасительную надежду на возможность другого взгляда на жизнь, сострадание и помощь. Как, например, Настасья Филипповна, Рогожин, Иван Карамазов. В итоге, герои гибнут духовно или физически, в нравственном плане они мертвы, так как в силу телесности природы или непоколебимости стремления упасть ещё ниже назо всем герои не хотят смириться, простить или принять прощение, за которым последовало бы духовное воскрешение и спасение. Рассматривая в христианском ключе тему смерти, экстраполирующуюся на духовное состояние героев, писатель в качестве основного идеологического центра выдвигает мотив воскресения, реализующийся как в контексте художественного целого романов «Преступление и наказание», «Подросток», «Братья Карамазовы», так и в отдельно взятых образах героев (Ипполит, Ганя Иволгин, Грушенька, Коля Красоткин). В подобном идейном срезе герои и события воспринимаются как аллегория духовной смерти и воскресения, поэтому смерть в романном дискурсе Ф. М. Достоевского предстаёт как жизнеутверждающий феномен бытия, является неким этапом в преодолении антиномичности сознания героев.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Русская идея. СПб.: Азбука, 2015. 320 с.
2. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. Т. 6. 424 с.
3. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. Т. 10. 519 с.
4. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15-ти т. СПб.: Наука, 1994. Т. 13. 424 с.
5. Захаров В. Н. Православные аспекты этнопоэтики русской литературы // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сборник научных трудов / отв. ред. В. Н. Захаров. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского государственного университета, 1998. Вып. 2. С. 5-30.
6. Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М.: Центр «СЭИ», приложение к журналу «Трибуна», 1991. 288 с.
7. Мейендорф И. Ф. Введение в святоотеческое богословие. Киев: Лучи Софии, 2001. 94 с.
8. Мельникова С. В. Притча как форма выражения философского содержания в творчестве Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова [Электронный ресурс]: дисс. ... к. филол. н. URL: <http://cheloveknauka.com/pritcha-kak-forma-vyrazheniya-filosofskogo-soderzhaniya-v-tvorchestve-l-n-tolstogo-f-m-dostoevskogo-a-p-chehova#ixzz4PTyOtQcR> (дата обращения: 09.11.2016).
9. Одинокоев В. Г. Типология образов в художественной системе Ф. М. Достоевского. Новосибирск: Наука, 1981. 146 с.

DEATH AS A LIFE-AFFIRMING PHENOMENON OF BEING IN F. M. DOSTOYEVSKY'S NOVELISTIC DISCOURSE

Silina Lyudmila Alekseevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Moscow State University of Psychology and Education
l-silina@mail.ru

The article examines the semantic content of the images-ideas of death and human soul immortality in F. M. Dostoyevsky's novelistic discourse, the mechanisms of the formation of a deeply symbolic religious and philosophical layer, which allows considering the topic of death and immortality in the moral and ethical aspect as a stage prior to a moral catastrophe or spiritual revival of the characters.

Key words and phrases: death; immortality of soul; Gospel text; parable; world view; Christian symbolism; philosophical problems; motive; topic.